

Е.И. Гололобов

Природоохранная политика и практика ее реализации на севере Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX в.

Ключевые слова: экологическая политика, север Западной Сибири, региональное природоохранное законодательство, комплексное освоение природных ресурсов.

На современном этапе развития общества экологические проблемы приобрели серьезное социальное, политическое и экономическое значение. Они волнуют не только ученых, специалистов, но и широкую общественность. Проблемы эти появились не в последние два-три десятилетия. Корни экологических проблем гораздо глубже. Без их изучения невозможно подлинное осмысление современного экологического кризиса.

Экологические проблемы севера Западной Сибири нельзя сводить только к периоду активного освоения нефтяных и газовых месторождений. Индустриальное освоение Севера во второй половине XX в. обострило уже существовавшие проблемы экологического характера. Историческое изучение региональной природоохранной политики дает возможность осознать всю глубину проблемы, ее корни.

К концу XIX в. сокращение пушных ресурсов стало критическим, что позволило современникам говорить о кризисе пушного промысла. Кризис этот самым серьезным образом затронул и Сибирь. Причем особенно сильно пушные ресурсы пострадали в Западной Сибири как наиболее освоенной в промысловом отношении. При общем росте поступившей на рынок пушнины за 1880–1895 гг. современники констатировали ее сокращение в Западной Сибири. Увеличение объема пушнины, поступавшей на рынок через Ирбитскую и Якутскую ярмарки, происходило за счет поступлений из Восточной Сибири. Таким образом, пространство охотничьего промысла сокращалось [1, с. 17–27].

Государство вынуждено было реагировать на эту ситуацию. В 1892 г. был издан закон об охоте. К сожалению, он не распространялся на Сибирь. Закон разделил животных на хищных и нехищных. На хищных животных охота разрешалась без ограничений. При этом к хищным животным помимо волка и медведя были отнесены песец, белка, лиса, куница, горноста́й, выдра и т.д. Это сводило на нет значение закона с точки зрения охраны пушных ресурсов. Становилась очевидной необходимость доработки закона. С 1896 по 1906 г. разрабатывался новый проект закона, но

он из-за бюрократических проволочек так и не увидел свет. Закон 1892 г. просуществовал до октября 1917 г. Рост цен на пушнину в начале XX в. стимулировал хищническое истребление ресурсов. Ценные виды либо совершенно исчезали из товарооборота (бобры, голубые песцы), либо переставали играть в торговом обороте сколько-нибудь значительную роль (соболь).

Эти обстоятельства побудили самих торговцев пушниной поставить вопрос о регулировании охотничьего промысла. 7 февраля 1910 г. по инициативе председателя Ирбитского ярмарочного комитета собралась большая часть находившихся на ярмарке торговцев пушными товарами для обсуждения вопроса о причинах сокращения привозимых на ярмарку шкурок пушных зверей, особенно соболя. Единства мнений в определении причин сокращения пушных ресурсов у участников обсуждения не было. Некоторые торговцы не видели ничего плохого в весенней охоте, не все поддерживали мнение о сокращении пушнины [2, с. III].

В ходе обсуждения предлагались следующие меры по сохранению соболя: «1) Установление законодательным порядком закона об охоте на соболя с карательными статьями для нарушителей его и запрещение промысла и ловли соболя на несколько лет повсеместно – или только в некоторых местах Сибири; 2) устройство особых заказников, где бы навсегда запрещалась охота на соболя; 3) устройство питомников для разведения соболей» [2, с. 38]. В итоге собрание пушных торговцев при Ирбитском ярмарочном комитете решило ходатайствовать перед правительством об издании закона, регулирующего охоту на соболя, и о временном запрете охоты на этого зверя.

Вопросами катастрофического сокращения пушных ресурсов заинтересовалась пресса, он получил общественное звучание. Появились работы по изучению «пушного вопроса» в целом и отдельных его аспектов, например соболиного промысла [2]. Аргументация противников регулирования соболиного промысла сводилась к следующему: «Соболиный промысел ежегодно дает более одного млн рублей заработка местному населению, а при запрещении промысла этот заработок ничем не заменится и отсутствие его может нанести серьезное экономическое потрясение очень значительному числу людей. Кроме того, запрещение это ни к чему не приведет, оно не будет выполняться и в глухой тайге невозможно следить (за соблюдением запрета. – Е.Г.): скорее всего

из этого создастся новый источник дохода для низших административных чинов. Для крупных торговцев такое запрещение будет, безусловно, выгодно: они сразу повысят цену на всех наличных соболей и в период запрещения распродадут весь наличный запас» [2, с. 1]. Аргументы об экономической значимости промысла для населения, неэффективности контроля за соблюдением ограничений и в дальнейшем будут не раз высказываться при обсуждении вопросов регулирования охотничьего промысла.

Тем не менее в 1912 г. был издан Закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер». Закон запретил в течение трех лет охоту на соболя (1913–1916 гг.) и ограничил в дальнейшем охоту на него временем с 15 октября по 1 февраля. В этом же году было принято постановление Совета Министров «О выделении охранных для соболей участков (заповедников), служащих местом для спокойного размещения соболей». В 1916 г. был принят закон «Об установлении правил об охотничьих заповедниках».

Однако принятием законодательных актов проблема охраны промысловых ресурсов не исчерпывалась. Известный специалист в области охотничьего хозяйства А.А. Силантьев справедливо отметил в своем докладе «Охотничье хозяйство в России и задачи правительственной его организации» на XII Всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в Архангельске: «... пока население не поймет вреда хищнического истребления дичи, пока оно не будет воспитано в этом направлении, никакие законы не помогут. Народ говорит «лес Божий и птица Божья», поэтому законы об охоте непопулярны не только среди народа, но и среди чинов охраны и часто даже среди судей» [3, с. 22]. Необходимо было вести большую просветительскую и организационную работу по рационализации промысла в целом, превращения его в полноценную отрасль хозяйства страны. Для этого А.А. Силантьев предлагал осуществлять следующую деятельность: «1) изучение охотничьих угодий; 2) охрана дичи от браконьеров, хищных зверей и метеорологических условий; 3) правильная эксплуатация (охотничьих угодий. – Е.Г.)» [3].

По докладу А.А. Силантьева съездом были приняты следующие постановления: «Необходимо признать организацию правильного охотничьего хозяйства задачей государственной важности. ... Первым шагом к организации русского охотничьего хозяйства должно служить всестороннее обследование охотничьих угодий в фаунистическом и экономическом отношениях при посильном участии в работе всех лесничих и таксационных партий, занятых обследованием лесов Сибири и Севера Европейской России» [3, с. 124].

Существенные изменения в конце XIX – начале XX в. произошли в лесном хозяйстве, что повлекло за собой и изменение законодательства. 4 апреля 1888 г. было издано «Положение о сбережении лесов».

Действие этого положения распространялось на все леса страны, в том числе и Сибири. В каждой губернии для охраны лесов создавался лесоохранительный комитет [4, с. 161]. Впервые на государство была возложена «забота о сбережении лесов». К началу XX в. эти правила устарели. Экономика России развивалась стремительными темпами. Лес становился важнейшим экономическим ресурсом. Площадь лесов стремительно сокращалась. Процесс этот затронул и Сибирь. «Быстрый переход от натурального хозяйства к денежному, усиленный спрос на сырье животного и растительного происхождения создали истребительную спекуляцию на сырье, от которой гибнут естественные богатства края, в том числе и леса» [5, с. 3].

Причем эти процессы затронули не только среднюю и южную Сибирь, вовлеченную в зону действия Транссибирской железнодорожной магистрали, но и северные территории. С.М. Вислоцкий уже в конце XIX в., в связи с необходимостью обеспечения западносибирской железной дороги лесом, отмечал: «Бесспорно, все взоры должны быть обращены на север, который, по мнению большинства, еще сравнительно богат лесом, но и здесь мы наталкиваемся на непреодолимые преграды; знатоки северных лесов говорят нам, что и здесь лесов нужных размеров и качества уже не много, они давно за бесценнок вырублены и сплавлены на юг...» [6, с. 29].

Необходимость скорейшего пересмотра положения 1888 г. рассматривалась на внеочередном Всероссийском съезде лесовладельцев и лесохозяев в январе 1911 г. Надо было определить роль государства в вопросе лесоохранения. Председатель съезда В.И. Ковалевский в своей речи отметил, что вопросы лесоохранения будут рассматриваться исходя из «... обширности нашего отечества, крайнего разнообразия его физико-географических, хозяйственных и бытовых условий» [7, с. 6].

А.А. Строгий в своем докладе «Истребление лесов Сибири и необходимость сибирского лесоохранительного закона» нарисовал весьма печальную картину стремительного сокращения лесов в Сибири. «Злейшими врагами сибирских лесов в настоящее время являются лесные пожары и хищнические рубки. Несмотря на природную мощь этих лесов, на их удивительную живучесть и способность легко и роскошно возобновляться – перевес все же остается на стороне агентов разрушения, и сибирские леса гибнут с поразительной быстротой» [5, с. 4].

В значительной степени приведенная цитата касалась лесов степной и лесостепной Сибири, страдавших от чрезмерного хозяйственного вмешательства человека. Однако если данные леса страдали от чрезмерного вмешательства человека, то северная тайга, наоборот, страдала от невмешательства человека. Именно из-за невмешательства человека лесные по-

жары стали огромной проблемой для лесов Сибири вообще и севера Западной Сибири в частности. Об этом писали все, кто так или иначе был связан с лесным хозяйством. Нет недостатка в трагических красках при описании лесных пожаров в регионе: это «громадный бич для лесов Сибири» [6, с. 31], «существеннейшая причина исчезновения хвойных лесов Сибири» [5] и т.д. Причины возникновения пожаров различны. Для Севера их можно свести к следующему: пускание палов, незатушенные костры в тайге, оставленные охотниками, рыбаками, заготовителями лесных материалов, возгорания из-за использования охотниками легковоспламеняемых пыжей при стрельбе.

В результате дискуссии по докладу А.А. Строгого обозначились две противоположные позиции: 1) введение лесоохранительного закона в Сибири своевременно и необходимо; 2) введение лесоохранительного закона не своевременно. Противники введения закона отмечали слабую изученность сибирских лесов, предлагая сначала исчерпывающе исследовать эти леса, а затем принимать решения. Однако все были солидарны в одном – необходимости организации борьбы с лесными пожарами [7, с. 55–60]. В результате обсуждения констатировалась необходимость принятия государственных мер против лесных пожаров и стихийных бедствий и распространение лесоохранительного закона на степную и лесостепную Сибирь [7, с. 60].

Подводя итог развитию пушного промысла и его регулированию в дореволюционной России, мы можем сделать следующие выводы, которые в полной мере применимы и для севера Западной Сибири. Пушные ресурсы страны вообще и Севера в частности подвергались хищнической эксплуатации. Пушной промысел осуществлялся в примитивных формах, с использованием «первобытной техники». Пушного хозяйства как рационально организованной деятельности не существовало. Природоохранное законодательство не затрагивало промысловой охоты и действовало лишь в некоторых областях европейской части России; большие площади в империи не подпадали под действие закона. Более того, закон предоставлял землевладельцам неограниченное право охоты в своих, часто очень больших, владениях, следствием чего стало катастрофическое падение промысла, сокращение ценнейших пушных видов (соболь, бобр, голубой песец), контроль иностранного капитала над отраслью, зачаточное состояние мехового производства.

Революция и Гражданская война несколько затормозили этот процесс, но не остановили его полностью. Новый подход к использованию природных богатств был закреплен законодательно. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов утвердил разработанный В.И. Лениным Декрет о земле. Декрет объявил об обобществлении природных богатств страны: «Все недра земли, руда,

нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления». В первом конституционном акте советской власти – «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, заявлялось: «Все леса, недра, и воды общегосударственного значения... объявляются национальным достоянием» [8, с. 7].

В 1920 г. был создан Государственный комитет по охране памятников природы, в состав которого вошли ученые и специалисты по всем отраслям естествознания.

Принципы, провозглашенные в важнейших документах нового государства, нашли свое продолжение в советском законодательстве, посвященном вопросам охраны природных ресурсов и окружающей среды. 30 мая 1918 г. ЦИК Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов утвердил «Основной Закон о лесах». В нем регулировались вопросы использования и охраны лесных ресурсов. 24 мая 1921 г. был утвержден декрет Совнаркома «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море». Ряд законодательных актов был посвящен охране наземных животных, в первую очередь охотничье-промысловых. Например, декрет Совнаркома от 27 мая 1919 г. «О сроках охоты и о праве на охотничье оружие». Шла работа над созданием сети заповедников на территории страны. 16 сентября 1921 г. В.И. Ленин подписал декрет Совнаркома «Об охране памятников природы, садов и парков».

В 1923 г. коллегией Народного комиссариата земледелия был утвержден Лесной кодекс. Подчеркивалось, что «постановлениями всероссийских съездов и ВЦИК Советов, рабочих, крестьянских и красноармейских Советов, основанными на ясно выраженной революционной воле рабочих и крестьян, право частной собственности на леса в пределах РСФСР отменено навсегда». Кодекс регулировал все аспекты ведения лесного хозяйства, в том числе охотничье хозяйство и охрану лесов. В первые годы советской власти было принято около 100 документов по охране и рациональному использованию природных ресурсов [9, с. 8].

Таким образом, природные ресурсы становились общенародной собственностью, их эксплуатация и охрана регулировались государством. Властями декларировался рациональный, научно обоснованный подход к использованию природных богатств.

Новое государство заявило об изменении отношения и к природе северных территорий. На протяжении столетий Сибирь в целом и ее Север в частности представляли собой пример систематического «грабления

природы», 300 лет из него выкачивались богатства в виде мехов, дичи и рыбы. Представители новой власти утверждали, что этот «трехсотлетний период безудержной эксплуатации Севера» закончился [10, л. 21]. Предполагалось, что освоение региона должно строиться на рациональном использовании природных ресурсов.

Региональное природоохранное законодательство, опираясь на важнейшие законы и конституционные акты советской власти, установило четкие юридические нормы использования природных ресурсов и осуществляло их охрану. Оно было представлено обязательными постановлениями и циркулярами Уральского облисполкома, обязательными постановлениями и правилами Тобольского окрисполкома и обязательными постановлениями райкомов Тобольского округа. В первую очередь региональное законодательство касалось важнейших ресурсов: леса, пушнины и рыбы [11, с. 153, 191–203, 250].

Как уже отмечалось, все леса согласно советскому законодательству составляли собственность государства и находились в ведении управления лесами наркомата земледелия. Лесным ресурсам отводилось большое значение. Именно рационально устроенное лесное хозяйство рассматривалось как источник средств существования местного населения, как основа сохранения пушных, рыбных и водных ресурсов края. Этим объясняется обилие документов, касающихся лесного хозяйства. Основными проблемами охраны лесов на Севере были следующие: уничтожение лесов пожарами, бессистемная вырубка лесов, захватывающая участки, представляющие кормовые базы промысловых животных, при которой не соблюдалось обеспечения восстановительных процессов.

К упомянутым проблемам добавлялась еще одна – низкая заработная плата работников лесного хозяйства и, как следствие, нехватка квалифицированных кадров. Эти обстоятельства тормозили развитие лесного хозяйства региона и существенно снижали эффективность его функционирования. На местах полномочия по ведению лесного хозяйства возлагались на облземуправления и окрземуправления. Основными задачами в области лесного хозяйства на местах, таким образом, являлось выделение и устройство лесов местного значения, которые передавались в бессрочное пользование местному населению, из единого государственного лесного фонда, борьба с нарушениями правил ведения лесного хозяйства, обеспечение охраны лесов от пожаров [11, с. 140–156, 200–224; 262–271].

Главной причиной катастрофического сокращения пушных ресурсов являлось интенсивное истребление промысловых животных без соблюдения каких бы то ни было правил и ограничений. Основными нарушениями были: несоблюдение сроков охоты, добыча невыходной пушнины, использование самолетных

приборов и способов массового истребления животных. Стремительное сокращение пушных ресурсов севера Западной Сибири требовало незамедлительного осуществления комплекса мероприятий по восстановлению ресурсной базы охотничьего хозяйства и его рационализации.

Регулирование охотничьего промысла опиралось на правила производства охоты и систему наказаний, вплоть до уголовного преследования за их несоблюдение. В законодательстве предусматривались исключения для коренного населения Севера, для которых охота являлась средством добывания пищи. Создавалась система особо охраняемых территорий – заказников. На севере Западной Сибири были созданы Демьянский заказник, расположенный между притоков Демьянки – реками Куньяк и Кальча, и три лесных заказника в верховьях рек Конды и Северной Сосьвы. Демьянский заказник общей площадью в 340000 десятин (371280 га) фактически существовал с 1923 г., формально же с 1925 г. Заказник был создан для охраны лосей, диких оленей, соболей и других промысловых животных. Он охранялся двумя егерями и членами Демьянского охотничье-промыслового товарищества, которое получило в бессрочное исключительное пользование охотничьи угодья вокруг заказника.

Территория заказника издавна служила местом охоты не только местного, но и пришлого населения, главным образом юганских остяков (хантов) из Сургутского района. Они пытались продолжать заниматься охотничьим промыслом на заповедной территории в 1925 и 1926 гг., но в обоих случаях юганские остяки были изгнаны особыми отрядами, организованными Демьянским охотничье-промысловым товариществом и местным лесничеством. В 1927 г. подобных попыток уже не наблюдалось.

Заказники в верховьях Конды и Северной Сосьвы были основаны в конце 1926 г. на месте так называемых богатырских мест, представлявших собой природные заповедники. «Тонкая наблюдательность и знание природы окружающих явлений привели северное промысловое население к сознанию необходимости существования резерватов для охотничье-промысловых животных столетиями ранее, чем мысль об организации заказников и заповедников появилась и стала прививаться среди охотников-любителей» [12, с. 27].

Создавались долгосрочные (на 3–5 лет) полные заказники, заменившие собой кратковременные одногодичные, так как последние имели существенные недостатки. Во-первых, охотники за такой короткий срок не успевали привыкнуть к одному месту запрета, как оно сменялось другим. Это приводило к путанице и неразберихе, в результате которой охота по заказникам производилась повсеместно. Во-вторых, нередко складывалась такая ситуация, когда запрещался от-

стрел одного только вида на территории заказника, например, глухаря или рябчика, а на всю остальную дичь охота разрешалась. Это также приводило к тому, что охота производилась и на разрешенную к отстрелу и охраняемую дичь. Долгосрочные полные заказники, создаваемые с первого февраля 1926 г., как раз и должны были исключить эти недостатки [13, с. 170–171].

Интересно отметить тот факт, что законодательство определяло «полезных» и «вредных» животных. Вредными животными считались те, которые наносили урон сельскому хозяйству, их можно было истреблять без ограничений.

В рыболовном промысле регулировались условия аренды угодий, способы лова, запрещались хищнические его варианты. Для сохранения рыбных ресурсов северных территорий предполагалось сделать следующее: «Признать законными и применимыми способы рыболовства, производимые исключительно на свободных и ничем не препятствующих свободному проходу рыбы в фарватерах рек, соров, речек и озер, и других рыбоводных источников во все время года. Безусловно воспретить самоловные промыслы рыбы на главных бассейнах Оби и Енисея, препятствующие свободному проникновению рыбы в верховьях этих рек. Категорически воспретить загромождения соров и речек всеми существующими способами во время захода рыбы, представляющими собой сплошную неподвижную стену. Не могут быть допущены к дальнейшему применению способы насильственного и весьма вредного для рыбоводных рек притеснения рыбы к одному берегу, т.е. месту производства промыслов, посредством отпускания хвои, пропитанном серными и смоляными веществами, заражающими 95% водного пространства противоположных частей рек» [14, с. 73–74].

Еще одной насущной задачей, стоящей перед властями, было проведение землеустройства, под которым понималось упорядочение существующих форм землепользования и образования новых в соответствии с требованиями хозяйственно-технической целесообразности. Для Севера это означало в первую очередь отведение охотничьих угодий и разработку правил их использования, т.е. проведения так называемого охотустройства. Оно базировалось на следующих принципах: угодья должны передаваться при условии непосредственного и трудового их ис-

пользования; производительные силы должны обеспечивать максимальный с точки зрения хозяйственной целесообразности отстрел животных на данных угодьях; охотничьи угодья должны по возможности полно соответствовать потребительским нуждам местного населения с учетом удельного веса пушного промысла в их бюджете; охотустройство не должно быть источником образования капиталистических элементов в среде аборигенов; кооперирование аборигенного населения должно предварять охотустройство в форме интегральных объединений с промысловым уклоном; охотустройство должно предусматривать возможность пределов и частных изъятий; часть угодий должна быть оставлена без распределения в целях создания маневренного фонда.

В основу критериев отведения охотничьих угодий были положены следующие показатели: экологическая емкость (в данном случае наличие пушных ресурсов) угодий, тяготение населенных пунктов к тем или иным угодьям, значение пушного промысла в бюджете местного населения, связь пушного промысла с другими промыслами в системе местного хозяйства [15, с. 21–22].

Можно отметить, что принципы использования и критерии отведения угодий исходили из экономической целесообразности, учета возможностей природной среды и классового подхода. Иначе и не могло быть. На государственном уровне подчеркивалось, что основными линиями современной землеустроительной работы являются: классовый подход и направление его в сторону, наиболее способствующую переходу к коллективным формам землепользования.

Таким образом, в рассматриваемый период была создана основа регионального природоохранного законодательства, что позволило государству взять под свою охрану природные ресурсы и установить четкие правила их использования. Тем не менее необходимо отметить, что различные объективные (суровые природно-климатические условия, громадные пространства в сочетании с минимальной плотностью населения и удаленностью от основных хозяйственно-административных центров, неразвитая инфраструктура) и субъективные (постоянный дефицит средств, бюрократизация, командно-административные методы управления) снижали эффективность предпринимаемых в этом направлении усилий.

Библиографический список

1. Краткий очерк о пушной промышленности в Сибири / изд. А.И. Громовой. – М., 1896.
2. Швец, А.И. К вопросу о хищническом истреблении соболя в Сибири / А.И. Швец. – Иркутск, 1911.
3. Протоколы XII Всероссийском съезда лесовладельцев и лесохозяев с участием лесозаводчиков и лесопромышленников в Архангельске 15–25 июня 1912 г. // Труды XII
4. Всероссийском съезда лесовладельцев и лесохозяев в Архангельске. – СПб., 1913.
5. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. – СПб., 1898.
6. Строгий, А.А. О лесах Сибири / А.А. Строгий. – СПб., 1911.
7. Вислоцкий, С.М. Государственное значение лесов

Тобольской губернии / С.М. Вислоцкий. – Екатеринбург, 1897.

7. Протоколы внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в Санкт-Петербурге 23–27 января 1911 г. // Труды внеочередного Всероссийского съезда лесовладельцев и лесохозяев в Санкт-Петербурге 23–27 января 1911 г. – СПб., 1911.

8. Ивантер, В.С. Лес в первых декретах Советской власти / В.С. Ивантер, А.С. Авдеев // Лесная промышленность. – 1977. – №10.

9. Об охране окружающей среды : сборник документов партии и правительства, 1917–1918 гг. – М., 1979.

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-3977. – Оп. 1. – Д. 39.

11. Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929) : сб. док. / сост., комент., словарь терминов, географ. и имен. указ. Е.И. Гололобов. – Новосибирск, 2005.

12. Гололобов, Е.И. Использование природных ресурсов и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929) / Е.И. Гололобов // Природные ресурсы, природопользование и охрана окружающей среды на Обь-Иртышском Севере (1919–1929) : сб. док. – Новосибирск, 2005.

13. Гололобов, Е.И. Пушной промысел в системе хозяйства Тобольского Севера в 1920-е гг. (к вопросу о становлении регионального природоохранного законодательства) / Е.И. Гололобов // Северный регион. – 2001. – №2(4).

14. Экология и власть. 1917– 1990 : документы. – М., 1999.

15. Гололобов, Е.И. Освоение природных ресурсов Обь-Иртышского Севера: история и современность / Е.И. Гололобов // Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Из истории природопользования и налогообложения (XIX – первая половина XX в.). – Омск, 2004. – Вып. 5.